

УДК 93/94 + 327.82

Аль-Дало Набиль Мадри Маджид¹

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Al - Dalo Nabil Madri Madjid

**MODERN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE UNITED STATES IN THE MIDDLE EAST**

Yelets State University

Реферат: Ближний Восток уже длительное время является не только сложным регионом в рамках внутренних противоречий, но и ареной столкновения интересов между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Россия действует в рамках международного права и при согласии всех сторон. Россия признает целостность государств региона, а также считает, что статус регионов государств должен определяться путем переговоров. Соединенные Штаты Америки решают ряд задач на Ближнем Востоке. Первая задача связана с созданием сильного регионального союзника, вторая заключается в образовании новых очагов воздействия и поддержании уже существующих и, наконец, третья задача представляет собой необходимость обеспечить безопасность в регионе за счет нейтрализации радикальных режимов.

Ключевые слова: Российская Федерация, США, страны Ближнего Востока, ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация), международная конкуренция.

Abstract: The Middle East has long been not only a difficult region within the framework of internal contradictions, but also an arena of collision of interests between the Russian Federation and the United States of America. Russia operates within the framework of international law and with the consent of all parties. Russia recognizes the integrity of the states of the region, and believes that the status of regions of states should be determined through negotiations. The United States of

¹ Аль-Дало Набиль Мадри Маджид – магистрант института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

America is solving a number of tasks in the Middle East. The first task is connected with the creation of a strong regional ally, the second is the formation of new foci of influence and maintenance of existing ones, and finally, the third task is the need to ensure security in the region by neutralizing radical regimes.

Keywords: *Russian Federation, USA, countries of the Middle East, ISIS, international competition.*

Ближний Восток всегда был местом серьезных противоречий, где сталкивались интересы многих стран, в частности США и России. Нестабильность в регионе усугубилась появлением на арене террористической организации Исламское государство (Исламское государство Ирака и Леванта – ИГИЛ (*запрещенная в РФ террористическая организация*)), которое развернуло свои действия не только на значительной части северо-западного Ирака, включая районы проживания курдского населения, но и распространилось на территории Сирии и других государств Ближнего Востока [7, с. 107].

Исламское государство – это суннитская террористическая группировка ваххабитского толка. Структура этой организации была создана в 2004 г. в начале Иракской войны арабом из Иордании Абу Мусаб аль-Заграви [16, с. 34]. По мнению Американского центра стратегических и международных исследований, в ИГИЛ (*запрещенная во многих государствах, в частности в США и РФ, организация*) была разработана специальная стратегия, которая была направлена на изолирование от сил США и противодействие вооруженным силам западной коалиции в Ираке. Она также преду-

сматривала нанесение ударов по союзникам США, государственным структурам Ирака и уничтожение шиитов. Но эта стратегия так и не была активизирована, и вскоре после убийства лидера Заграви в 2006 г. организацию возглавил Абу Бакр Аль-Багдади.

Изначально свою цель Исламское государство видело в создании единого халифата, базирующегося на шариате в провинциях Ирака с преобладающим суннитским населением. Теперь же ИГИЛ (*запрещенная в РФ террористическая организация*) расширил свою территорию деятельности и на Сирию, и стремится развернуть на контролируемых территориях элементы государственного управления и жесткий вариант шариата. Основным источником финансирования деятельности Исламского государства является результат криминальной деятельности, контрабанды и вымогательства [1, с. 12].

Заметное усиление и продвижение «Исламского государства» к заявленным целям стало возможным, благодаря политике бывшего премьер-министра Ирака шиита Нуриаль-Малики, который не смог сохранить баланс между тремя главными группами населения – шиитами (около 65 % населения), суннитами (около 30 %) и курдами (около

5 %), что вызвало скатывание Ирака в новую гражданскую войну.

Эскалация напряженности в провинции (мухафазе) Анбар, самой западной части Ирака с доминированием суннитского населения, началась с протестов суннитов, требовавших освободить десятки тысяч заключенных, которые зачастую арестовывались без должных оснований. Ситуация стала ухудшаться, когда Нуриаль-Малики назвал демонстрантов повстанцами и пригрозил принять против них жесткие меры. Серьезные столкновения начались в декабре 2013 г., когда иракские войска разгромили лагерь протестантов в административном центре мухафазы Рамади. Силовая акция правительства в Рамади привела к насильственному отклику суннитских группировок, сильнейшей из которых была ИГИЛ (*запрещенная в РФ террористическая организация*), организовавшая единое командование и постепенно взявшая под контроль большую часть провинции.

6 июня 2014 г. боевики ИГИЛ (*запрещенная в РФ террористическая организация*) напали на второй по величине город Ирака Мосул, который был ими полностью оккупирован 10 июня. 11 июня был захвачен Тикрит, террористы заняли ряд городов провинции Салах-ад-Дин, а 12 июня началось масштабное наступление на Багдад. Приход боевиков в населенные пункты Ирака сопровождался насилием и массовыми убийствами мирного населения.

Успехи террористов ИГИЛ (*запрещенная в РФ террористиче-*

ская организация) в Ираке и активизация деятельности в Сирии позволили им 29 июня 2014 г. объявить о создании исламского халифата на подконтрольной территории Сирии и Ирака.

Группировка «Исламское государство» летом 2014 г. развернула террористическую деятельность и на территории Сирии. Боевикам удалось закрепиться в сирийских провинциях Алеппо и Ракка. Стратегическое значение для ИГ приобрел город Кобани, захват которого позволил террористам установить контроль над значительной частью границы между Сирией и Турцией, а также над большей частью севера Сирии.

Кобани населен преимущественно курдами, которые в последнее время активно претендуют на большую автономию. С середины сентября курдское ополчение и отряды народной самообороны держали тяжелейшую оборону. Информация о ситуации в городе поступала противоречивая: исламисты утверждали, что контролируют большую часть города. Курдские ополченцы заявляли, что им удается отражать атаки. Бои за Кобани, а также географическое положение Сирийского Курдистана, граничащего с подконтрольными территориями Исламского государства, поставили под вопрос существование самого курдского анклава в Сирии. В июле 2012 г. гражданская война в Сирии впервые затронула Дамаск, что заставило руководство страны перебросить войска на защиту столицы, в том числе и из курдского анклава.

Таким образом, сложилась ситуация, когда центральное правительство не контролировало курдские земли, чем и воспользовалась ведущая партия Сирийского Курдистана – Партия Демократического союза, которая взяла под контроль фактически все курдские территории Сирии и стала активно добиваться прав автономии. К моменту наступления боевиков Исламского государства курды образовали вполне жизнеспособное образование, которое не только активно решало социальные и экономические проблемы, но и могло себя защитить [8, с. 339].

Политика России на Ближнем Востоке традиционно основывается на двух принципах. Первый принцип связан с опорой на государствоцентричность в международных отношениях, второй — с невмешательством во внутренние дела других государств. Россия выступает против политики смены режимов извне и, тем более принятия решений в обход международных институтов, в частности, Совета Безопасности Организации Объединённых Наций.

Политика Российской Федерации на Ближнем Востоке всегда интересовала многих исследователей современности. Существует много работ, которые рассматривают различные аспекты внешней политики, анализируют приоритеты российского внешнеполитического курса в различных регионах мира [15, с. 85]. Среди таких исследователей можно отметить ученого – востоковеда С.Г. Лузянина, который в своей работе «Восточная политика Владимира Путина: возвращение России на

«Большой Восток» (2004-2008)» проводит анализ различных внешнеполитических векторов России в отношении государств Ближнего и Среднего Востока и оценивает перспективы сотрудничества с различными странами. В работе используется обширная источниковая база, которая основана на документах МИД РФ, ОДКБ и ШОС [6, с. 238].

Особенно вызывает интерес работы сотрудников Московского государственного института международных отношений, такие как И.Д. Звягельская, Д.В. Стрельцов, А.Б. Подцероб и другие. В работе И.Д. Звягельской «Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России» рассматривается роль Российской Федерации в урегулировании конфликтных ситуаций в различных арабских кризисах, в том числе и в Ираке, а также рассмотрена детально российская позиция на события «арабской весны» и ее участие в урегулировании арабо-израильского конфликта [4, с. 115]. В учебном пособии «Россия и страны Востока в постбиполярный период» под редакцией Д.В. Стрельцова детально рассмотрены сферы сотрудничества Российской Федерации с ближневосточными странами в области мировой политики, безопасности, торговли и инвестиций, а также в области военно-технических взаимоотношений [14, с. 213].

Серьезные исследования, охватывающие весь спектр вопросов, посвященных востоковедческой тематике, осуществляются ведущим научным центром мирового масшта-

ба Институтом востоковедения РАН. Под грифом Института востоковедения издана монография А.М.Хазанова и А.Ю. Олимпиаева «Международные проблемы Ближнего Востока (1960–2013)», в которой комплексно исследованы международные проблемы Ближнего Востока, а также показана природа и специфика многочисленных ближневосточных конфликтов [9, с. 75]. Значительный цикл работ по исламской проблематике имеется у одного из ведущих отечественных ученых А.Б. Оришева [10,11,12 и др.].

В современных реалиях кризиса государственности в ближневосточном регионе Россия продолжает придерживаться этих принципов, однако вносит коррективы в свои действия. Стоит отметить, что у Москвы не существовало четко выработанной стратегии в отношении курдов. В связи с возвращением России на Ближний Восток, а также возросшей ролью самих курдских политических сил в регионе, Москва начала формировать свою «курдскую политику». К тому же, за последний год произошло усиление присутствия российских энергетических компаний в Иракском Курдистане.

Россия традиционно поддерживала контакты с курдскими политическими силами в различных частях региона. Нерешенный курдский вопрос периодически влиял на повестку дня в Москве. С конца XIX в. Россия начала активнее взаимодействовать с курдами. Так, в 1923 г. на территории советского Азербайджана был создан Курдистанский уезд, преобразованный в Курдистанский

округ с центром в городе Лачин. Однако в 1930-е гг. он был упразднен. После начала Второй мировой войны и ввода советских войск на север Ирана у СССР возник интерес к иранским курдам. Москва с удовлетворением встретила известие о создании в начале 1946 г. Мехабадской Республики в Иране. Однако она была уничтожена иранцами, не просуществовав и года. Командовавший вооруженными силами Республики, будущий легендарный лидер иракских курдов мулла Мустафа Барзани со своими последователями прорвался через границу в СССР, где получил убежище. После революции в Ираке 1958 г. М. Барзани и его соратники получили возможность вернуться в эту страну.

Взаимодействие СССР с курдами Ирака было особенно активным в период иракского кризиса в 1960-е –1970-е гг. СССР выступал посредником между курдами во главе с М. Барзани и президентом Ирака С. Хусейном. Множество трудов российских исследователей посвящено этому периоду, в том числе особую значимость российско-курдских отношений подчёркивал в своих мемуарах Е.М. Примаков. Он неоднократно встречался с президентом Ирака С. Хусейном и с М. Барзани.

При участии СССР в 1970 г. удалось найти компромиссное решение — договорились об идее образования автономии для Иракского Курдистана — однако внутривнутриполитические проблемы и недоверие постоянно приводили к нарушениям договорённостей. В 1974 г. Багдад

предоставил автономию Иракскому Курдистану, но М. Барзани считал, что она ограничена и не включает все территории расселения курдов. В первую очередь в автономию не входил нефтеносный Киркук. Очередное восстание курдов закончилось не в их пользу. Курдское движение было разделено и лишено поддержки Ирана ввиду договоренностей между Тегераном и Багдадом в 1975 г. В дальнейшем Багдад придерживался политики «подавления» курдского движения, изменения демографического состава территорий, на которых они проживали. СССР, в свою очередь, на многое закрывал глаза, извлекая пользу из сотрудничества с Багдадом.

Ирано-иракская война 1980–1989 гг. оставила Ирак с долгами перед другими странами, которые зачастую «накачивали» оружием, как Ирак, так и Иран. В отношении курдов Багдад продолжал использовать стратегию силового подавления. После завершения войны с Ираном иракский режим оказался на грани коллапса. Решение С. Хусейна развязать ещё одну войну в 1991 г. теперь уже в Кувейте оказалось фатальным. СССР поддержал в Совете Безопасности ООН восстановление государственности Кувейта и выступил с критикой режима С. Хусейна. В августе 1991 г. СБ ООН запретил иракской авиации совершать полеты на севере над территорией Курдской автономии — севернее 36 градуса северной широты, а также на юге над зонами расселения шиитов — южнее 32 градуса северной широты.

С распадом СССР влияние на протекавшие в регионе процессы оказывали США, которые в 2003 г. приняли решение свергнуть режим С. Хусейна под надуманными обстоятельствами в обход Совета Безопасности ООН. К тому моменту Ирак уже более десяти лет находился под санкциями, отсутствовал доступ к технологиям, процветал чёрный рынок. Санкции не давали государству проводить модернизацию и развиваться. Ирак находился под постоянной угрозой вторжения. С 1990-х гг. режим стал опираться на традиционные институты иракского общества, включая племенные структуры. Подчеркивалась особая роль религии, процветал культ личности лидера. В это время на флаге Ирака появляется нанесенная рукой С. Хусейна надпись «Аллаху Акбар» (Господь велик). Патримониальные и клановые связи стали доминировать, что при деградации государственных служб и институтов позволяло удерживать общество от полного распада. В этих условиях в начале 1990-х гг. населенный преимущественно курдами север Ирака смог добиться организации контроля над территориями расселения курдов при политическом лидерстве Патриотического союза Курдистана (ПСК) во главе с Д. Талабани и Демократической партии Курдистана (ДПК) во главе с М. Барзани.

В октябре 1992 г. курдский парламент принял решение об образовании федеративного государства на севере Ирака, состоящего из трех провинций — Эрбиль, Сулеймания, Дахук и города Киркук (фактически

управлялся Багдадом), в рамках «демократического, свободного, объединенного Ирака». Однако противоречия между кланами Барзани и Талабани в 1990-х гг. стали причиной межкурдского конфликта. Этим воспользовался С. Хусейн, который в 1996 г., благодаря терпящему поражение М. Барзани, получил возможность ввести свои военные подразделения и восстановить контроль над севером страны. Однако в игру вступили США и провели бомбардировки Ирака. В 1998 г. США добились «Вашингтонского соглашения» между ДПК и ПСК, что позволило завершить межкурдскую войну. США также оказали экономическую поддержку региону. В 2003 г. Америка вторглась в Ирак и запустила так называемый процесс «дебаасификации», который в большей степени отразился на положении суннитского населения, нежели на курдском.

В этот период некоторые курдские политики обвиняли Москву в игнорировании курдского вопроса. После распада СССР Ближний Восток не входил в число приоритетных направлений российской внешней политики. Однако Россия осознавала, что взаимодействовать в большей степени необходимо с Багдадом, чем с курдами. По мнению российского исследователя Н. Мосаки, «иракская политика» России в эти годы определялась не геополитическими, а экономическими, главным образом нефтяными интересами. В Москве понимали, что иракская нефть — конкурент российского углеводородного сырья. Продле-

ние санкций в отношении Ирака было выгодным для бизнес-кругов России, которые извлекали пользу из высокой цены на нефть в условиях ограниченного участия на рынке Ирака. Однако не все были согласны с этим мнением. Многие полагали, что Россия могла получить большие возможности при участии в разработке иракских месторождений.

На дипломатическом уровне Россия поддерживала контакты с курдами. Необходимость в присутствии медиатора в регионе сохранялась, однако все понимали, что только США были способны добиться каких-либо результатов. На протяжении 1990-х гг. Москва старалась активно участвовать в переговорах между ООН и Ираком по вопросу доступа МАГАТЭ к ядерным объектам. Политическая элита Ирака не доверяла иностранцам, ещё больше не доверяла Соединенным Штатам и на это были свои причины. Риторика Запада, преимущественно США, а также введение санкций не добавляли позитива в переговорный процесс. Те малочисленные договорённости, к которым приходили стороны, в том числе благодаря усилиям российской дипломатии, раз за разом срывались. При этом присутствие сил НАТО и конкретно США в Заливе сохранялось.

В 2003 г. с особым поручением был направлен в Багдад Е. Примаков. В то время, как американцы уже приняли решение о вторжении, российские представители пытались найти выход из сложившейся ситуации дипломатическими средствами. Однако успех не был достигнут из-за

нежелания Вашингтона искать мирные пути решения вопроса, а также недоверия и просчетов Багдада [13, с. 30].

После 2003 г. Иракский Курдистан получил широкую автономию внутри Ирака. Конституция 2005 г. закрепила три района за региональным правительством Курдистана. Тем не менее, статус ещё двух районов и богатого углеводородами Киркука продолжал оставаться предметом дискуссии между Багдадом и Эрбилем. Статья 140 Конституции Ирака предусматривала проведение референдума в спорных регионах до 2007 г. В том, что референдум не состоялся, Эрбиль обвинил Багдад в контексте проведения референдума уже в 2017 г. Новый этап в иракской истории критически не повлиял на характер дипломатических отношений России и Иракского Курдистана. В Багдаде действует Посольство России, в Эрбиле — Генеральное консульство.

Многое зависит от внутривнутриполитического развития самого Курдистана. С началом сирийского кризиса в 2011 г., а затем и кризиса в Багдаде внутривнутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Курдистане стала ухудшаться. Это связано не столько с образованием ИГ, необходимостью вести боевые действия и внутренней миграцией, сколько с падением цен на энергоресурсы. Именно, доходы от добычи и продажи нефти по трубопроводу в Турцию (оттуда, в том числе и в Израиль) наполняли бюджет Иракского Курдистана, позволяли поддерживать уровень жизни и решать соци-

альные задачи. Появлялись неподтвержденные сообщения о контрабанде нефти в соседние государства. Кроме того, Эрбиль в 2014 г. пострадал от прекращения трансфертов из Багдада, что стало решением бывшего премьер-министра Ирака Н. аль-Малики. Постоянно культивируемый М. Барзани вопрос независимости Иракского Курдистана отвлекал от существующих проблем, связанных с тяжелой социально-экономической ситуацией. Кроме того, подобная риторика позволяла отвлекать население и от ситуации вокруг самого М. Барзани, срок полномочий которого закончился в 2015 г. и продлевался только решением парламента. Проведение референдума 25 сентября 2017 г. обеспечило поддержку населения его клану. При этом сам М. Барзани отметил, что в случае обретения независимости он не станет баллотироваться на пост президента. Свою будущую страну курды видят в качестве федеративной и парламентской республики.

Сегодня многие говорят о разобщенности внутри ПСК, что позволяет М. Барзани продвигать свои решения. Скорее всего, между партиями была договоренность экономического характера. В сложившейся ситуации для России главной задачей является недопущение серьезного дисбаланса в своих отношениях с двумя партиями. Особую позицию заняла партия «Горран», основанная в 2009 г. Являясь в некоторой степени близкой ПСК, партия обрела популярность на фоне падения цен на нефть. «Горран» призывала к проведению реформ в Курдистане. Кроме

того, глава движения Н. Мустафа также обвинял ПСК в том, что ее лидеры передали слишком много полномочий и власти ДПК и лично М. Барзани. Тем не менее «Горран» теряет своё влияние из-за смерти в мае 2017 г. Н. Мустафы. Ситуация в Курдистане меняется достаточно быстро, и запрещённая ранее партия «Горран» — депутаты движения не имели возможности принимать участие в работе парламента — может войти в коалицию с ПСК. Этим она усилит позиции ПСК. Подобный сценарий во многом объясняется родственно-клановыми отношениями лидеров ПСК и «Горран». Однако сценарии развития этих процессов могут быть разными, а России следует быть готовой к любому из них.

Москва поддерживает контакты как с Эрбилем, так и с Сулейманией, в то время как свою деятельность в России ведёт представительство регионального правительства Курдистана. Представительство активно работает с курдской диаспорой в России, проводит крупные культурные мероприятия, обеспечивает оказание медицинской помощи курдским «Пешмерга». Иракский Курдистан важен для России и с точки зрения отдельных связей Эрбиля и Сулеймании с курдскими группами в Сирии. Стороны считают необходимым координировать действия по борьбе с терроризмом.

С увеличением присутствия России на Ближнем Востоке усилилось и взаимодействие с Иракским Курдистаном в различных сферах, в том числе энергетической. В регионе

работают такие российские компании, как «Газпромнефть», «Башнефть» и др. За последние два года резко выросла роль «Роснефти». Переход «Башнефти», уже действовавшей в Курдистане, под контроль «Роснефти» автоматически обеспечил последней присутствие в регионе. В конце 2016 г. стало известно о крупных контрактах между Эрбилем и «Роснефтью». Были также подписаны дополнительные соглашения на Санкт-Петербургском экономическом форуме, которые сделали «Роснефть», по сути, одной из ведущих энергетических компаний Иракского Курдистана. «Роснефть» получила доступ к управлению энергетической транспортной системой, мощностью 700 тыс. баррелей в сутки. До конца 2019 г. уровень планируется повысить до более 1 млн. баррелей. Сумма возможных инвестиций «Роснефти» в автономию не разглашается, но считается, что она приближается к 4 млрд. долл. По меркам Иракского Курдистана это очень существенные вложения, учитывая, что первые контракты были реализованы по предоплате (случай для ИК крайне необычный). Так или иначе, такие шаги меняют конфигурацию на Ближнем Востоке в сторону усиления роли России и «балансирования» влияния США в регионе.

Таким образом, помимо разработки нефтяных месторождений, к «Роснефти» перешла транспортная инфраструктура, в первую очередь, ключевой для Иракского Курдистана нефтепровод в Турцию. Такой подход обезопасил курдов от любых

действий турецких властей, а Москве дал еще один рычаг влияния на Анкару. Роснефть инвестирует и в новый газопровод из Курдистана в Турцию, который должен быть проложен до конца 2019 г. В современных ближневосточных реалиях Москва, активно работает с официальной Анкарой, тем не менее, поддерживает контакты и с курдскими политическими силами. С развитием сирийского кризиса и усилением роли курдов в регионе Москва вносит определенные коррективы в свою политику.

Москва придерживается мнения, что любое изменение статуса отдельных районов и регионов различных государств является внутренним делом этих стран. Таким образом, теоретически, любое изменение статуса Иракского Курдистана должно стать результатом переговоров и обоюдного желания всех заинтересованных сторон и в первую очередь Эрбиля и Багдада.

После распада СССР Ближний Восток не рассматривался Россией в качестве приоритетного региона. Москва не видела необходимости в усилении своего присутствия в регионе. В начале 2000-х гг. интерес России в отношении Иракского Курдистана был связан исключительно с возможными экономическими выгодами. В «постсаддамовский» период Россия поддерживала контакты, как с Багдадом, так и с курдами, но активной политики не вела. С возвращением Москвы в регион и усилением курдского фактора в региональных процессах контакты между Россией и курдами активизировались.

Москва оставляет себе простор для действий в случае обретения курдами любой формы самоуправления. Даже в случае максимальной самостоятельности курдов при грамотном подходе Москва может получить дополнительные рычаги влияния на четыре столицы региона.

Таким образом, Россия рассматривает возможность возникновения новых государств на карте Ближнего Востока исключительно в рамках международного права и при согласии всех сторон. Россия признает целостность государств региона, а также считает, что статус регионов государств должен определяться путем переговоров. Прагматизм во внешней политике России и контакты с курдскими представителями «на земле» позволяют подстроиться под различные сценарии, какой бы статус курдские политические образования не обрели.

Активное участие Российской Федерации в урегулировании конфликта в Сирии способствовало формированию нового направления региональных отношений на Ближнем Востоке. Знаменательным считается расширение российско-иранского сотрудничества, которое проявляется, прежде всего, в исполнении Россией контракта 2007 года на поставку зенитно-ракетных установок С-300 Ирану. Примечательно, что в сентябре 2016 года иранское правительство официально представило данное вооружение в рамках парада, проходившего в Тегеране. В августе того же года Иран предоставил российским ВКС авиабазу Хамадан для нанесения авиаударов по

террористическим группировкам в Сирии. Такой расклад по расширению сближений России с Турцией и Ираном является прямой угрозой для американских интересов [18, с. 105].

В условиях современного развития мировой политики перед Соединенными штатами Америки встают несколько основных задач относительно Ближнего Востока. Первая задача связана с созданием сильного регионального союзника, вторая заключается в образовании новых очагов воздействия и поддержке уже существующих и, наконец, третья задача представляет собой необходимость обеспечить безопасность в регионе за счет нейтрализации радикальных режимов [5, с. 385]. Для решения данных задач предполагалось заключить союз между Турцией и Израилем, т.к. Турция уже имеет достаточно сильные позиции и стремление к лидерству, и также поддерживает политику США по демократизации Ближнего Востока. Это особенно было заметно на проходившем в 2004 г. саммите большой восьмерки в Си-Айленде, на которой США выступило с предложением о демократизации стран ближневосточного региона, и которая была отрицательно воспринята большинством государств Ближнего Востока, кроме Турции. Но на современном этапе турецкое правительство больше тяготеет к Ближнему Востоку, выражая готовность учитывать региональные интересы, а присутствие США для нее становится все менее желаемым.

Во внешнеполитической активности США наблюдается переход к детальной оценке населения стран Ближнего Востока. С этой целью были созданы специальные проекты министерством обороны США, в частности военно-разведывательные программы «По работе с местным населением», «моделирование социокультурного поведения», программы военного и академического взаимодействия «Минерва» [16, с. 8], которые финансируются из военного бюджета США. В основе этих проектов лежит привлечение широкого круга специалистов в области антропологии, социологии, религиоведения, истории, а также поведенческих наук и аналитики для подготовки аналитических документов и выработки рекомендаций, учитывающих этноконфессиональный и социокультурный факторы в зонах экономико-политических интересов США. Жесткость американского президента Джорджа Буша-младшего по навязыванию населению ряда стран Ближнего и Среднего Востока, особенно Ирака и Афганистана, собственных представлений об устройстве общества, привели к снижению авторитета и влияния США в данном регионе. По мнению одного из создателей специальных программ Монтгомери Макфейта, отсутствие знаний и понимания местного населения у американских военнослужащих привело к ожесточению противоборствующих сторон, усугубляя проблемы социального порядка и политического хаоса в стране [19]. Чтобы решить данную проблему в США в документы Ми-

нистерства обороны были внесены некоторые изменения, так, например, в полевой устав армии США в июне 2007 г. внесен пункт о факторе гражданского населения.

Важнейшим и ключевым участком деятельности таких специальных программ считается осуществление непосредственного контакта с местным населением, что позволяет общаться не только напрямую с местным населением, но и оказывать выгодное американской стороне влияние на местных лидеров, обладающих правом принятия решений. Полученные данные будут использоваться для мониторинга, оценки и прогнозирования национальных, субнациональных и международных кризисных ситуаций в мощной системе их раннего предупреждения.

США в своей политике на Ближнем Востоке стремилось занять лидирующие позиции посредством переговоров и компромиссов с Ираном, Сирией и представителями исламистов и держать под контролем конфликты. Между тем, арабские революции привели к тому, что произошло снижение западного влияния в регионе. США и его союзники из ЕС приняли курс на поддержание оппозиционных группировок, не отказавшись от попыток военной интервенции. Они были совместно с суннитскими режимами на Ближнем Востоке устремлены на свержение режима Башара Асада в Сирии.

Развернутые в арабских странах события в итоге не соответствуют интересам США. Если для США данная ситуация выступала как получение дополнительных дивиден-

дов к предстоящим выборам, то Россия выступала против иностранного вмешательства. Именно, кризис в Сирии стал точкой кипения в разнонаправленности позиций США и Российской Федерации [2, с. 90]. Интерес России в разрешении ближневосточного конфликта заключается в том, чтобы защитить российских граждан, проживающих на данной территории.

Теракты 11 сентября 2001 г. в США стала поводом для вторжения на территории Ирака и Афганистана. Операция в Ираке в 2003 г. была проведена в США без согласия СБ ООН и не была поддержана другими мировыми государствами, в том числе и Россией. Вторжение в Ирак было обусловлено, со слов тогда еще президента Дж. Буша-младшего, как война с терроризмом, хотя на самом деле причина скрывалась в другом, а именно, в энергетических ресурсах Ирака – газа и нефти. В Ираке сконцентрировалось около 9,7 % мировых запасов нефтепродуктов. Ирак занимал третье место по данному показателю после Саудовской Аравии и Ирана. Данную ситуацию доказывает тот факт, что после свержения режима Саддама Хусейна, все нефтяные контракты достались США [3, с. 112].

Экономическая политика Российской Федерации несколько отличается от политики США. Россия имеет собственные природные ресурсы и ближневосточные запасы нефти и газа ее мало интересуют. Ближневосточный регион важен для России как рынок сбыта своей продукции. Российские товары соответ-

ствуют требованиям стран арабского востока и составляют конкуренцию с экспортируемой в эти страны продукцией США.

Если США перед началом военной операции в Ираке в 2003 г. вынашивали планы установления контроля над нефтяной промышленностью Ирака, то Россию этот вопрос интересовал в комплексе общей внешнеполитической стратегии, без особой акцентуации важности этой области иракской экономики. Позиция России в вопросе упрочения связей с Багдадом была неоднозначной. К тому же в декабре 2002 г. С. Хусейн разрывает контракт с «Лукойлом», оцениваемый в 4 млрд. долл. Причиной послужила информация о попытках российской компании вести переговоры с США о предоставлении экономических гарантий в случае свержения С. Хусейна. Когда оказалось, что это свержение неизбежно, Москва стала открыто настаивать на предоставлении Вашингтоном гарантий сохранения и обеспечения экономических интересов, однако в конечном итоге сочла их недостаточными. Это обстоятельство и послужило поводом вхождения России в число осудивших американскую кампанию в Ираке стран.

Заинтересованность России в сохранении стабильности в регионе включает в себя необходимость

обеспечения мира и порядка в Сирии, а для этого необходимо отстраниться от всякого военного вмешательства извне, нарушений норм международного права, иницировании односторонних действий по иракскому и ливийскому сценариям. Этими соображениями российская сторона руководствовалась при принятии решений во время неоднократных заседаний СБ ООН по сирийской проблеме, ясно отстаивая свою позицию, идущую, однако, вразрез с политикой США.

Политическое и экономическое присутствие США и России на Ближнем Востоке уже само собой является фактором международной конкуренции. В экономической сфере Россия небезуспешно пытается вернуть в регион свои позиции. Активно действующие на энергетических и инвестиционных рынках Ближнего Востока, российские компании зарекомендовали себя с позитивной стороны. Данное обстоятельство особо актуализируется на фоне переориентации экономических интересов США на Китай и Азиатско-Тихо-океанский регион в целом. Пока экономические интересы России и США сталкиваются в аспекте создаваемой ближневосточными государствами благоприятной импортной среды.

Список литературы

1. Арзуманян Р. В., Акопян А. А. Иррегулярные конфликты. Ближний Восток: террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014. 90 с.

2. Барнашов О.В., Мироу Ж., Халаф С.С. Факторы конкуренции между США и Россией на Ближнем Востоке //Современная конкуренция. 2014. № 1 (43). С. 87-100
3. Бутба К.В. Черты колониализма в политике США в Ираке. Современная политика США в Ираке в конце XX — начале XXI вв. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2012. № 1. С. 112.
4. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.
5. Кривов С.В., Рыжов И.В. Политика США и баланс сил на Ближнем Востоке: от ключевых очагов воздействия к нейтрализации радикальных режимов //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2014. № 1 (1). С. 382-389.
6. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина: Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М.: Восток–Запад, АСТ, 2007. 448 с.
7. Мазур О.А. Ближний Восток: на острие противоречий //Век глобализации. 2015. № 1. С. 106-113.
8. Мустафа Д.А. Некоторые аспекты российско-курдских отношений в контексте ближневосточного кризиса //Filo Ariadne 2016. № 4. С. 333-348. URL: filoariadne.esrae.ru/6-111
9. Олимпиаев А.Ю., Хазанов А.М. Международные проблемы Ближнего Востока (1960–2013). М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. 351 с.
10. Оришев А.Б. Советско-иранские научные связи в годы второй мировой войны //Международный журнал экспериментального образования. № 3-4. 2015. С. 577.
11. Оришев А.Б. Пророк Мухаммед и пять столпов ислама //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 2-2. 2015. С. 284-287.
12. Оришев А.Б., Мамедов А.А.О. Ислам в Европе: к истории проникновения //Социально-гуманитарные знания. № 6. 2014. С. 302-312.
13. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. 60 с.
14. Россия и страны Востока в постбиополярный период /Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АспектПресс, 2014. 368 с.
15. Рыжов И.В., Тоцкая Е.П. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000-2015 гг. в работах российских исследователей //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2016. № 4. С. 82-90.
16. Устинов Е.И. Исламский фактор в военных программах США в Ближнем и Среднем Востоке //Исламоведение. 2014. № 1. С. 6-12.
17. Тесленко Е.С., Пеструилова Н.Н. Феномен «ИГИЛ» //Виктимология. 2015. № 1 (3). С. 34-39.

18. Чмырева В.А. Американский фактор в российско-турецких отношениях на Ближнем Востоке //Politbook. 2017. №1. С. 103-114.

19. McFate, Montgomery; Steve Fondacaro. Reflections on the Human Terrain System During the First Four Years. Prism // NDUPress. 2011, September.

Reference

1. Arzumanyan R. V., Akopyan A.A. Irregulyarnye konflikty. Blizhnij Vostok: terroristicheskie gruppirovki «Islamskoe gosudarstvo Iraka i Levanta» i «Islamskij front»: celi, zadachi, formy i sposoby dejstvij v Sirii i Irake. M.: Centr strategicheskikh ocenok i prognozov, 2014. 90 s.

2. Barnashov O.V., Mirou ZH., Halaf S.S. Faktory konkurencii mezhdou SSHA i Rossiej na Blizhnem Vostoke //Sovremennaya konkurenciya. 2014. № 1 (43). S. 87-100

3. Butba K.V. Cherty kolonializma v politike SSHA v Irake. Sovremennaya politika SSHA v Irake v konce HKH — nachale XXI vv. // Vostok. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. 2012. № 1. S. 112.

4. Zvyagel'skaya I.D. Blizhnevostochnyj klinch. Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii. M.: Aspekt Press, 2014. 208 s.

5. Krivov S.V., Ryzhov I.V. Politika SSHA i balans sil na Blizhnem Vostoke: ot klyuchevykh ochagov vozdejstviya k nejtralizacii radikal'nyh rezhimov //Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie. 2014. № 1 (1). S. 382-389.

6. Luzyanin S.G. Vostochnaya politika Vladimira Putina: Vozvrashchenie Rossii na «Bol'shoj Vostok» (2004–2008 gg.). M.: Vostok–Zapad, AST, 2007. 448 s.

7. Mazur O.A. Blizhnij Vostok: na ostrie protivorechij //Vek globalizacii. 2015. № 1. S. 106-113.

8. Mustafa D.A. Nekotorye aspekty rossijsko-kurdskih otnoshenij v kontekste blizhnevostochnogo krizisa //Filo Ariadne 2016. № 4. S. 333-348. URL: filoariadne.esrae.ru/6-111

9. Olimpiev A.YU., Hazanov A.M. Mezhdunarodnye problemy Blizhnego Vostoka (1960–2013). M.: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2013. 351 s.

10. Orishev A.B. Sovetsko-iranskie nauchnye svyazi v gody vtoroj mirovoj vojny //Mezhdunarodnyj zhurnal ehksperimental'nogo obrazovaniya. № 3-4. 2015. S. 577.

11. Orishev A.B. Prorok Muhammed i pyat' stolpov islama //Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. № 2-2. 2015. S. 284-287.

12. Orishev A.B., Mamedov A.A.O. Islam v Evrope: k istorii proniknoveniya //Social'no-gumanitarnye znaniya. № 6. 2014. S. 302-312.

13. Primakov E.M. Vstrechi na perekrestkah. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2015. 60 s.

14. Rossiya i strany Vostoka v postbipolyarnyj period /Pod red. D.V. Strel'cova. M.: AspektPress, 2014. 368 s.
15. Ryzhov I.V., Tockaya E.P. Analiz politiki Rossii na Blizhnem Vostoke v 2000-2015 gg. v rabotah rossijskih issledovatelej //Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya. 2016. № 4. S. 82-90.
16. Ustinov E.I. Islamskij faktor v voennyh programmah SSHA v Blizhnem i Srednem Vostoke //Islamovedenie. 2014. № 1. S. 6-12.
17. Teslenko E.S., Pestruilova N.N. Fenomen «IGIL» //Viktimologiya. 2015. № 1 (3). S. 34-39.
18. CHmyreva V.A. Amerikanskij faktor v rossijsko-tureckih otnosheniyah na Blizhnem Vostoke //Politbook. 2017. №1. S. 103-114.